

Как для взрослых, только лучше...

Ныне, когда у театра множество сильных и влиятельных «соперников» — кино, телевидение, эстрада, всевозможные магнито- и видеозаписи, — процесс приобщения к этому традиционному виду искусства усложнился. И вот перед молодежным театром встает дилемма: делать шаги навстречу будущим зрителям или в гордой позе ждать — придут или не придут...

В ЛЕНИНГРАДЕ три молодежных театра. Театры разные, с разной судьбой. Тюдз имени А. А. Брянцева долгие годы возглавляет опытный мастер З. Корогодский. Здесь зритель формируется с детства, у театра в этом есть и добровольные помощники — делегатское собрание, своего рода зрительский штаб. Театр имени Ленинского комсомола полтора сезона назад возглавил молодой режиссер, известный своими постановками в АБДТ имени М. Горького, Г. Егоров. Всего два сезона руководит Молодежным театром Е. Падве (до недавнего времени — главный режиссер Малого драматического), режиссер не только опытный, но и авторитетный. Оба эти театра только начинают новый этап своей жизни, по существу заново формируя репертуар, отчасти труппу и, конечно, аудиторию.

3 А ПОСЛЕДНИЕ два года Молодежный театр сделал несколько решительных шагов навстречу своей будущей публике, причем в ритмах самых острей. Три премьеры, ставшие лириками прорыва, — это спектакли музыкальные. «Звучала музыка в саду» — спектакль-воспоминание об острей начала века, когда здесь, в Ямзайловском саду, где ныне находится Молодежный театр, работал Театр-буфф. «Накая музыка была, накая музыка звучала» — тоже спектакль-концерт, тоже в стиле «ретро», но воспоминания навеивает более свежие: он о фронтовых артистах, о музах, что спорили с грохотом пушек. «Сирано де Бержерак» — энциклопедическая опера по мотивам пьесы Э. Ростана. Все три спектакля имеют успех, молодые актеры, танцующие и поющие здесь, становятся все популярнее.

Посмотрев три спектакля кряду, зрители начинают относиться к театру все с большим доверием, с интересом. Но насколько воспринимается ими в серьезный подтекст таджиды под яркой оболочкой? Судьбы фронтовых артистов не предстают воочию, мы лишь слышим рассказы о их военных буднях. Заучат песни тех лет, фрагменты из концертов фронту. Именно музыкальная структура держит смысл, ведет действие. А постановщик не всегда владеет ею, не всегда точно выстраивает ее, не всегда учитывает механику ее воздействия на публику. Так, эмоционально ударным (а значит, и самым впечатляющим) получился финал, зрители после спектакля напевают песенку американских летчиков «Мы летим, ковыляя во мгле», а не те, что назались главными...

В «Сирано де Бержераке» под напором диско героический дух первоисточника испаряется. Значительность личности Сирано распыляется на простейшие элементы. Зрители сочувствуют любовной влюбленности героя, но не углубляются в подлинный смысл его страданий. Отчего это происходит? Во-первых, оттого, что театр слишком доверяется музыкальной стихии, а во-вторых, потому, что, говоря со зрителем на этом своеобразном эскадроне, не добавляет ничего нового к тому, что уже знает молодой человек о жизни и об искусстве.

Поток информации, в том числе художественной, сейчас столь велик, что многое в искусстве становится своеобразным жизненным фоном и воспринимается лишь поверхностно. Попытка на сознание, на душу, на личность может лишь то, что прорвется сквозь фонов. Театр отличается тем, что может познать истинной страсти, глубины чувств и размышлений. Про чувство мы иногда еще помним, о мысли помнить не всегда, порой даже как-то стеснясь вспоминать о высоком пред-

назначении театра, по тем или иным соображениям не проводя резкой грани между театром, спортом и дискотеккой. Задать воображение молодого человека театр может только искренним и проблемным разговором о том, что его волнует в окружающей жизни. Что же отразила спена Молодежного театра? В спектакле «Вечер» А. Дударева прочитывается тема «отцов и детей», но звучит она приглушенно, ибо герои пьесы — восьмидесятилетние одинокие старики, живущие в ожидании: а вдруг вспомнят о них дети, вдруг вернутся... В «Пяти углах» С. Коковина молодежные проблемы тоже на обочине сюжета и конфликта. Последняя премьера — «Из записок молодого человека» по роману Ф. М. Достоевского «Идиот» — претендует на большее, повествуя о сложных, «проклятых» вопросах, встающих перед человеком в начале жизненного пути. Попытка приобщить молодых зрителей к миру раздумий великого писателя достойна уважения, кан, впрочем, и то, что выбор пал на редко инспектируемое произведение. Какие же мысли, какие чувства могут связать мир современного юноши с миром страстей Алексея Ивановича, поэта азарта, риска, рыцаря рулетки? Конечно, в него характере есть черты, так сказать, вечные, присущие молодости вообще. Достоевский писал о нем: «Я беру натуру непосредственную, человека... многогранного, но во всем недоконченного, изверженного и не смеющего бы верить, возмущающего на авторитеты и божества из». Трудно сказать, станет ли для зрителей этот герой современным.

В перспективе Молодежного театра — постановка «Проводим эксперимент» В. Черныш и М. Захарова. Театр идет здесь по следам успеха фильма «Дублер начинает действовать» и московского спектакля Марии Захарова. Этот выбор нельзя назвать случайным или неточным: пьеса молодежная и по характеру, и по проблематике. Главное же ее достоинство — молодая, социально активная, неординарная героиня.

ТЕАТР имени Ленинского комсомола ранее искал и чаще всего находил верный тон диалогов со зрителем. Было ясно, с чем театр сражается, каковы его идеалы, каков его герой. В сегодняшнем репертуаре прежняя соразмерность еще не восстановлена: исчезает с афиши классика (даже такой спектакль, как «Чайка», идет редко и без аншлагов), современная тема держится на «Романе и Юльке» Г. Шербаковой, хорошем, но утратившем свежесть открытии спектакле.

Заново строить репертуар Г. Егоров начал, что называется, «от противного»: не поисками нового героя, а обличением социальной инертности, равнодушия, потребительского отношения к жизни. Об этом «Процесс» Э. Манна. Решенный в манере документального спектакля конца 60-х, он увлекает не глубинной проникновением в психологию жертв и палачей мифической войны, а публицистической страстностью, с которой обнажаются корни современного тифоза, тоской по политическим акционерам.

Последняя премьера театра — «Комедия в 2 действиях» А. Галина «Тамара». Она об убого молодого человека от социальной активности, причем об убого не бесхарактерном — в сытое лонно сферы обслуживания. Далеко не все удалось постановщику, но взрослая ироничная спектакля, смелое обращение к острым конфликтам, вопросам, на которые жизнь только только начинает давать ответ, предвещает продолжением лучших традиций театра.

Персонажи обоих спектаклей даны «средним планом». Этот художественный просчет героя обернулся просчетом педагогическим: в театре по-настоящему воздействовать на молодого зрителя может лишь «крупный план». Трудно

удовлетворить потребность в герое, в образце для подражания лишь за счет актуальности проблемы.

РАЗМЫШЛЯЯ о том, какой должна быть классика в молодежном театре, приходишь к старомодному выводу: прежде всего она должна быть. Юному зрителю необходимо встречаться в театре с теми, кого они «проходят» на уроках литературы. Сегодня в афише Тюза мы не отыщем ни одного из них. Да и «взрослые» театры не богаты по этой части. «Напитанская дочка» в Театре драмы имени А. С. Пушкина, «Ревизор», постановленный лет десять назад в АБДТ, «Муму» в Малом драматическом — вот, пожалуй, и все.

На спене Тюза мы во множестве найдем героев из истории. Народовольцы («Нетерпение»), социалисты («Победа не будет»), герои гражданской и Великой Отечественной («Горючий камень», «Память», «Последний шаг», «Опровержение»).... Но, к сожалению, при всем разнообразии материала и конфликтов театр использует один-единственный ключ к решению этих спектаклей — здесь повествование превалирует над действием, кинофигурация композиция не выдвигает из своего монолита героев. Даже если герои — Заеринский или Халтурин, яркость личности нивелируется.

Спектакли З. Корогодского прошлых лет («После насзи прощу» и другие) были сильными как раз личным началом, крупным планом, тесными, способными стать для юного зрителя идеалом. Отчего же сменился ракурс? Ведь нельзя не заметить: равнодушные и недоумение зрительного зала рассеиваются, едва в спектакле появляется хоть кусочек реальной жизни, едва герой начинает действовать. Такие фрагменты действия есть, например, в героинях И. Соколовой («Память», «Опровержение»), но они слишком кратки, чтобы оправдать спектакль в целом.

В обширном — тридцать пять названий! — репертуаре Тюза спектакли о современности занимают скромное место. Однако именно на них ложится основная «педагогическая нагрузка». Лучшие из спектаклей о сегодняшних подростках — «Команда» С. Злотникова, «Вне игры» Ю. Яковлева, «Бедлама» А. Суларева, варьируя проблему взаимосвязи личности и коллектива, попадают в тон зрительских интересов. Здесь общий язык с залом оказывается понятным не формальным, а содержательным. Язык, избранный театром в том или ином случае, зрители понимают и принимают.

Но в большинстве спектаклей все же очевиден зазор между тем, что окружает юных зрителей дома, в школе, на улице, и приусадебных, приглаженным отражением в зеркале сцены. Иной раз кажется, что создатели спектаклей рассчитывают на ребят с необитаемого острова — искусственные проблемы, искусственный язык. А подростки сравнивают происходящее на сцене с жизнью, сравнивают с любимыми фильмами — и результат оказывается не в пользу театра.

КОНЕЧНО, состояние молодежной сцены зависит от общего театрального пейзажа: потрясения, события, открытия здесь не больше и не меньше, чем во «взрослых» театрах. И тут и там сказывается голод на хорошую современную пьесу, и тут и там ищут героя, и тут и там мало новых режиссерских имен, и тут и там мало талантливых актерской молодежи.

Но молодежные театры отличаются от прочих еще тем, что с них все начинается и любовь к театру, и воспитание театром, и неприятие театра.